

ЮБИЛЕЙ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ АЗБУКИ

УДК 811.16'02 + 81'16 + 008 + 930.85 + 003.349

А. А. Алексеев

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Рассматриваются ведущие черты русской культуры, обусловленные христианско-просветительской деятельностью создателей славянской письменности; показано, каким образом духовное и культурное наследие Кирилла и Мефодия вводило русских в сферу византийского христианства.

Ключевые слова: славянская азбука; Кирилл и Мефодий; культурный код; православная цивилизация.

Первая и важнейшая заслуга святых равноапостольных Кирилла (Константина) и Мефодия перед русской культурой состоит в том, что они принесли славянам христианскую веру в ее византийском варианте и благодаря им судьба России навсегда оказалась связана с православием. Степень связанности судьбы русского человека с православием когда-то определил Ф. М. Достоевский. От лица своих героев в романе «Бесы» он признавался, что русский человек, теряя веру предков, т. е. православие, перестает быть и русским: «Неправославный не может быть русским» [Достоевский, т. 10, с. 197]. Он утверждал, что «русскость» как национально-культурный феномен в качестве основополагающего и главного компонента обязательно включает в себя православно^сть. Объясняя свою позицию, он указывал, что в основе культуры любого народа изначально лежит конкретный религиозный культ, и без наличия такого культа, без религии в истории человечества ни у одного народа не складывались ни государственность, ни культура.

Наши предки это хорошо понимали. Не случайно, как свидетельствует структура Домостроя (XVI в.), религиозные принципы и нормы стояли у них на первом месте — как самые важные и краеугольные, за ними же следовали

государственные (национальные) и только после них частные (или семейные) принципы общежития. Предпринятая Россией в XX в. попытка отказа от духовно-религиозных национальных скреп привела к самому широкому распространению смердяковщины — явления, названного некогда по имени одного из персонажей романа Достоевского «Братья Карамазовы», между прочим утверждавшего: «Я всю Россию ненавижу... <...> В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с» [Достоевский, т. 14, с. 205]. Банкротство религиозное, ставшее результатом отказа от православия, по моему мнению, приводит к банкротству нравственному и национально-культурному, проявляющемуся в отречении от своей Родины и своего народа.

Какие же черты русского менталитета связаны у нас с православием?

Современная культурология делит всю мировую культуру и человечество на ряд цивилизаций. В таком случае Россия является ядром и главной страной православного мира, само же понятие «русский» («россиянин») связывается не только с национальностью, а скорее с принадлежностью к русской культуре.

Особое качество, издавна присущее русскому человеку, — это определенная терпимость к чужим национальным культурам и традициям. Это качество роднит Россию с Византией, из которой мы получили православную веру. В Византии «вместо разделения на множество национальностей было единое вероисповедание — православие. Византийцы буквально исполняли христианское учение о новом человечестве, живущем в Божественном Духе, где “нет ни еллина, ни иудея, ни... скифа”, как писал апостол Павел. И это надежно предохраняло страну от всесокрушающих бурь национальной розни. Достаточно было любому язычнику или иноверцу принять православную веру и подтвердить свою веру делами, и он становился абсолютно полноправным членом общества. На византийском престоле, например, императоров-армян было почти столько же, сколько и греков, были люди с сирийскими, арабскими, славянскими, германскими корнями. Высшими государственными чиновниками становились без ограничения представители всех народов империи — основной упор делался на их деловые качества и приверженность православной вере» [Тихон (Шевкунов), с. 32—33]. Сказанное почти полностью можно отнести к России. Без православной системы ценностей, т. е. без духовно-нравственной составляющей кирилло-мефодиевского наследия, не сложилась бы и сама Россия. Русская культура на всем ее протяжении была в известной мере наднациональной, в ее создании участвовали и славяне, и скандинавы (варяги), и татары (предки И. С. Тургенева — татары), и башкиры (таковы предки Аксаковых), и немцы (Владимир Даль — чистокровный немец, немцем по происхождению был и Фонвизин), и представители других народов, которые принимали православие и считали государственные и культурные интересы Российской империи своими.

Очевидно, что святые равноапостольные Кирилл и Мефодий стали для россиян в духовной сфере крестными родителями. Вся наша классическая куль-

тура стоит на принятом через их посредство духовном основании византийского православия. Без кирилло-мефодиевского наследия была бы невозможна и классическая русская литература, признанная во всем мире, потому что в ней, как выразился в «Войне и мире» Л. Н. Толстой, все измеряется «мерой, данной нам Христом» и данной именно через византийское православие.

В сфере письменной культуры святые братья-просветители являются уже не просто крестными нашими родителями, а буквально отцами письменности.

Их деятельностью были заложены самые основы будущего литературного русского языка. Как известно, он сложился на основе письменного старославянского языка, т. е. древнейшей формы церковнославянского, как бы дополняемого и корректируемого разговорным древнерусским.

Важно, что в основе старославянского языка, сразу возникшего как язык письменности, лежали не только славянские наречия 1150-летней давности, но и значительное количество элементов греческих синтаксиса и грамматики [см.: Верещагин]. Еще в детстве св. Кирилл овладел на своей родине, в городе Солунь, южнославянским языковым диалектом предков современных македонцев. Позднее, перед походом в Моравию, он с миссионерскими целями посетил Болгарию, т. е. познакомился и с болгарским южнославянским диалектом. Еще раньше, во время миссионерского похода в Казарию, он приобщился к восточному диалекту славянского языка. Кроме того, когда святые братья-просветители принесли в Великую Моравию старославянскую азбуку, то, проповедуя там, они должны были освоить и тот западнославянский диалект, из которого позднее развился чешский язык. Следовательно, создавая старославянский богослужебный язык, они могли пользоваться материалом всех трех основных диалектов древнего общеславянского языка.

В ходе изучения древних переводов на старославянский с древнегреческого (а православная Библия, текст православного богослужения, православная духовная литература 1-го тысячелетия переводились святыми Кириллом и Мефодием и их учениками с языка оригинала — древнегреческого) обнаруживается одна удивительная вещь: старославянские переводы, как правило, являются точной копией древнегреческого оригинала. И в этом смысле людям, стремящимся к предельной точности в изучении Библии, но не знающим древнегреческого языка, лучше изучать ее по церковнославянскому переводу. Известно, что между разными языками не бывает полного соответствия ни на словесном уровне, ни на уровне синтаксиса и грамматики, поэтому дать точную копию, идеальный перевод литературного оригинала на другой язык практически невозможно. Правда, если языки, например русский, украинский и белорусский, имеют близкое родство, перевод может подходить к оригиналу очень близко. Но древнегреческий язык родственным славянскому языку не является. И тем не менее святые Кирилл и Мефодий сумели дать точную копию древнегреческого текста, его кальку. Там, где славянский язык сопротивлялся точному переводу, где его синтаксические и грамматические конструкции не совпадали с оригиналом, они смело вводили древнегреческие (употребляя аналогичные

славянские служебные части речи), намного более разработанные и приспособленные для разговора о христианской картине мира. Когда в славянском языке не находилось соответствующих христианским понятиям слов-терминов, они вводили греческие, обычно славянизированные, путем прибавления славянского окончания (*ангелъ, сатана, синклитъ, талантъ* и др.). И потому, когда наши предки впервые услышали старославянский язык, он должен был звучать для них чересчур экзотически, ибо отличался от их разговорного языка. Не все было в нем привычно: в синтаксисе изобиловали древнегреческие конструкции, некоторая часть специальной лексики тоже была древнегреческого происхождения. Некоторые славянские слова были переосмыслены (например, слово «бог» у древних славян означало языческое божество, а здесь оно означало причастность к Святой Троице, Богу христиан; позднее для того, чтобы различать эти значения на письме, было принято правило писать христианского Бога с большой буквы, а языческого — с маленькой). К счастью, славянский язык все же оказался настолько лексически богат, что многие слова-понятия в нем уже существовали: *бог, грех, жертва, благо, вина, дар* и т. п. В результате, старославянский язык родился как язык, абсолютно приспособленный для разговора о духе и о душе.

Современный человек обычно с этим языком знаком мало. В современном разговорном языке отсутствуют многие ранее традиционные для наших предков слова-понятия. Современный обычный россиянин, как правило, безъязыкий! Его попытки на должном уровне воплотить свой духовный мир трагически профанированы. Это хорошо заметно по современному состоянию массовой культуры и сфер массовой коммуникации. Они сориентированы на то, чтобы реакция зрителя происходила по преимуществу на уровне эмоционально-физиологического рефлекса. Даже любовь там — по преимуществу физиологична. Но человек-то остается человеком! И наследие святых равноапостольных Кирилла и Мефодия позволяет нам подняться из этого состояния безъязыкости, обрести слова для потребностей души и духа, открыть способности к любви и вере.

Старославянский язык и продолжающий его современный церковнославянский позволяют нам снова обратиться к духовным ценностям православия и русской культуры.

Попытаемся вкратце ответить на вопрос, как же начиналась наша письменность. По мнению большинства исследователей, сначала через св. Кирилла нам была дарована глаголица — алфавит очень своеобразный, узорчатый, кружевной, по внешнему виду сильно отличающийся от всех известных нам алфавитов. В соответствии с гипотезой Франса Винке, можно высказать предположение, что сам глаголический текст древней азбуки св. Кирилла имел сакральный и религиозно-символический характер. Он сам по себе являлся сакральным текстом, излагал важнейшие христианские положения спасения. Принципы его построения восходили к идее Святой Троицы, которая пронизывала его на всех уровнях [см.: Винке, с. 115—127]. Но когда старославянский язык утвердился и на него начали переводить большое количество текстов, что сопровождалось и резким увеличением потребности в книгах на нем, переписчики

столкнулись с тем, что глаголица для письма менее удобна, чем, скажем, греческий алфавит, который они знали в совершенстве. И вот тогда (видимо, уже в Болгарии) ученики братьев-просветителей разработали на основе древнегреческого письма новый, более удобный славянский алфавит, который и назвали в честь его первого создателя к и р и л л и ц е й. Но в древнегреческом алфавите букв было на треть меньше, чем требовалось для передачи звуков (фонем) славянской речи, и недостающие буквы были позаимствованы из глаголицы с приданием им внешнего вида, родственного древнегреческим буквам. При этом они могли быть адаптированы под общий вид кириллицы, в результате чего писать стало удобнее и проще. Отсюда мы до сих пор пользуемся этим алфавитом, хотя и в его упрощенном виде.

Однако общий набор фонем, выделенных св. Кириллом, остался практически неизменным. Ему удалось выделить именно те значимые звуки, которые были характерны для славянского языка современных ему наречий. И до сих пор кириллица лучше всех иных мировых систем письменной графики подходит для славянских языков. Учитывая достижения святых братьев — просветителей славян в сфере систематизации славянских синтаксиса, морфологии и лексики — и добавляя к этому фонетику и буквенную графику, можно утверждать, что именно они заложили научные основы изучения славянских языков. И сотворение ими старославянского языка опиралось на глубокий научный подход, освященный православной верой святых подвижников. Им удалось сотворить чудо: они смогли выразить в самом языке сакральность Святой Троицы, вдохнув, таким образом в этот язык Дух Божий. Им удалось то, что Микеланджело Буонарроти начертал на своей знаменитой фреске, изображающей сотворение Адама, где руки человека и Бога почти соприкасаются. Это же, как нам представляется, сделали святые Кирилл и Мефодий для русской (славянской) культуры и языка.

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. [Vereschagin E. M. Istoriya vozniknoveniya drevnego obschslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov. M., 1997].

Винке Ф. О происхождении и структуре глаголической азбуки // Лит. учеба. 1996. Кн. 3. С. 115–127. [Vinke Frans. O proiskhozhdenii i strukture glagolicheskoy azbuki // Literaturnaya ucheba. M., 1996. Кн. 3. S. 115–127].

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. [Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. L., 1972–1990].

Тихон (Шевкунов), архим. Гибель империи. Византийский урок. М., 2008. [Tikhon (SHevkunov), arkhimandrit. Gibel' imperii. Vizantijskij urok. M., 2008].

Статья поступила в редакцию 08.09.2012 г.